

Д.С. КОДЗОКОВ В 30–70-е гг. XIX ВЕКА: ПРОСВЕТИТЕЛЬ, РЕФОРМАТОР, ХОЗЯЙСТВЕННИК

**С. А. АЙЛАРОВА,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник СОИГСИ**

Основной период общественной деятельности выдающегося реформатора и просветителя Северного Кавказа Дмитрия Степановича (Лукмана Магомедовича) Кодзокова приходится на 60–70-е гг. XIX в., но и дореформенный период его жизни насыщен событиями и мыслями. Именно в эти годы шло формирование его незаурядной личности, что нашло отражение в культурно-просветительских и экономических взглядах, в его хозяйственной активности.

Родившись в семье кабардинского дворянина Магомета Кодзокова (1818 г.), он воспитывался затем в семье известного поэта и публициста, славянофила Алексея Степановича Хомякова, где получил хорошее домашнее воспитание и образование.

Сам Алексей Степанович был одним из образованнейших людей России, имел великолепные познания в литературе, истории, искусстве, был ярким публицистом и полемистом. В доме просвещённых Хомяковых собиралась вся интеллектуальная

элита Москвы: историки и педагоги Т.Н. Грановский и М.Н. Погодин, поэты А.В. Веневитинов, Н.М. Языков, В.Ф. Одоевский, Н.А. Муханов, братья Елагины, П.И. Бертенев и многие другие. Вся культурная обстановка образованной семьи формировала гуманную и высоконравственную личность с большими интеллектуальными запросами (9. с. 16–31). Закончив пансион известного в Москве профессора Павлова, молодой Кодзоков поступил в 1834 г. в Московский университет, на словесное отделение. В университете в эти годы преподавали известные профессора Н.И. Надеждин, М.Т. Каченовский, И.И. Давыдов, Д.Л. Крюков и другие, представлявшие передовую научную и общественную мысль тогдашней России. Слушая выдающихся лекторов, известных литераторов и историков, юноша Д.С. Кодзоков и сам пытался писать стихи, принимал участие в конкурсах сочинений, где его работа «Описание Кавказа» заняла одно из первых мест. Уже в студенческие годы зарождается его интерес к своей далёкой родине

— Кавказу, желание способствовать его развитию и просвещению.

После окончания университета 30 ноября 1838 г. Д.С. Кодзоков поступил на гражданскую службу в Московскую палату уголовного суда. Его ждала благополучная карьера столичного чиновника, но Дмитрий Степанович распорядился своей жизнью и судьбой совсем по-другому.

В конце июля 1839 г. Кодзоков вернулся на Северный Кавказ, на родину, где встретился с кабардинскими родственниками. Он мечтал о поприще общественного деятеля, народного просветителя и заступника. «...Ничего не может быть для меня приятного... чем обеспечить состояние народа обширного и многочисленного, и тем самым составить, быть может, для себя карьеру не блестящую, но оригинальную и благородную... Сердцу, право, отраднее получать благодарность нескольких тысяч бедняков, чем чин действительного статского советника», — писал он в Москву своим друзьям и родственникам (1, л. 93).

Остановившись в Пятигорске, он вскоре завязывает дружеские отношения с образованными адыгами — бывшим секретарём Кабардинского временного суда, знатоком кабардинского адата Якубом Шардановым, с выдающимся деятелем адыгского просвещения Шорой Ногмовым. В эти годы он приступает к изучению кавказских и восточных языков, собиранию этнографических сведений и поиску исторических памятников. С целью сблизиться со своим народом, Кодзоков изучает народные обычаи, танцы, песни. «Изыскания мои не безуспешны, словарь пополняется; преданий и песен собрано мною очень довольно...; также достал

я две грамоты турецких султанов к здешнему народу — вещи чрезвычайно интересные» (1, л. 79 об.), — писал он Хомяковым.

Мечтавший о внедрении в среду горского населения новых просвещённых начал жизни, Д.С. Кодзоков попытался в ауле своего отца (с. Абуково) открыть школу, где обучалось бы несколько мальчиков арифметике и русскому языку. В письме Хомяковым от 29 сентября 1839 г. он писал: «Жалкое положение здешних жителей, обманы, которым они беспрестанно подвергаются и тем питается ненависть их к русским, заставили меня решиться завести родшколы в ауле моего батюшки..., я нанял отставного унтер-офицера для обучения; и вот уже пять мальчиков учатся под неусыпным моим надзором русской грамматики и необходимым правилам счисления. Я выписал из Ставрополя книги и необходимые пособия» (1, л. 93).

Через несколько месяцев, 1 декабря 1839 года, он уже сообщал своим родным, что «подал два проекта, один о заведении в Кабарде школ для первоначального обучения детей...» (1, л. 73). Просветитель был уверен в успехе своего начинания — школьной реформы: «Проект мой о заведении школы заслужил всеобщее одобрение, и Начальник Кабарды ген. Пирятинский сказал, что он получил уже приказание сообразить смету расходов» (1, л. 81).

Замысливший широкую программу преобразований традиционного уклада жизни горцев, Д.С. Кодзоков понимал, что ступенью к этому послужит элементарное образование горской молодежи. Но особое внимание он обращал на поэтапное изменение бытовых и хозяйственных привычек горцев. Он стремился привить соотечественникам

новые практические знания и элементы бытового обустройства, стимулировать хозяйственную активность, хотя его попытки внести в жизнь кабардинцев европейский комфорт не всегда были удачными. «Но скажу откровенно, — писал Кодзоков Хомяковым 29 сентября 1839 г., — все неприятности забываются, если успеешь узнать что-либо любопытное, отклонить от чего-либо худого, убедить в чем-либо добром...» (1, л. 88 об.).

Однако молодой просветитель не падал духом и старался наглядным примером демонстрировать более совершенные начала жизни. В письме своим приемным родителям он пишет: «Теперь скажу о моих действиях... По моему убеждению, готовится материал для постройки русского дома с печью и окнами, ибо жить в саклях зимою невозможно и убийственно, порождает множество болезней, особенно глазных. Начали строить баню русскую, ибо неопрятность выше всякого описания... Пример удивительно действует. Все соседи поговаривают, что все мною вводимое очень хорошее и можно надеяться, что со временем они последуют нововведениям. Вспомните, как брили русские бороды» (1, л. 93).

Непреклонна убежденность просветителя в том, что причин неустроенности быта и весьма несовершенных традиций в хозяйстве горцев в невысоком престиже трудолюбия в горской среде. «О беспечности жителей невозможно составить себе понятия: стада гибнут, лошади пропадают... О хозяйстве говорить нечего, это жалость. Из подаренных мне от кунаков лошадей, рогатого скота, овец я намерен положить основание примерному для их имений хозяйству, но недостаток людей

и рук затрудняет всякие благоразумные меры... Изобилие естественных произведений, леса, трав, плодов, животных — все пропадает и гибнет без пользы из лени и беспечности...» (1, л. 93).

Просветитель понимал, какие препоны стояли у него на пути — здесь и консерватизм традиционного сознания, и противодействие мусульманских фанатиков, и многое другое. «Надеюсь, — отмечал он в своём письме от 1 декабря 1839 г., — что я не упущу из вида ...преобразования в быте Кабарды, за которые я горячо принялся... Но всего сделать скоро нельзя...» (1, л. 76 об.).

В задуманных им преобразованиях ему помогал отец — отставной корнет Русской армии Магомет Кодзоков. «Очень больно видеть мне, — писал Дмитрий Степанович Хомяковым 21 декабря 1839 г., — предубеждение ваше противу моего отца, которого единственно склоняю я на что-нибудь — то кодним полезным изменениям. Я успел выстроить баню, вещь весьма полезнейшая в здешних местах; изменение домашнего быта, варварского быта будет с тою достигнута» (1, л. 87).

Крепнет убеждение просветителя в том, что причины низкого уровня развития северокавказских народов, в бедности и неустроенности их быта (в сравнении с европейским), в низкой этике труда: «Причина их бедного состояния не что иное, как лень выше всякого понятия» (1, л. 87).

Просвещённый юноша был готов выступить инициатором самых разных новаций в укладе жизни горских народов, хотя понимал, как сложно изменить опирающуюся на многовековые мифологические и правовые представления этническую традицию. «Итак, можете убедиться, — писал он приёмным ро-

дителям, — что мои преобразования ни к чему клонятся, как к личной и общей пользе; со временем, когда расширится круг моих действий, все убедятся в пользе моих стараний ... и лучшего орудия, оных не могу я избрать, как своего отца, ибо природный его ум и пребывание в России очень мне полезны; сядяю — гораздо труднее сладить, ибо, несмотря на доброту, он человек закоренелый в предрассудках. Есть готовность многих к преобразованиям, не достаёт смелости идти первому противу принятого обычая, которые между грубыми народами имеют более весу, нежели где-нибудь...» (1, л. 87 об.).

Именно в 30–40-е гг. Д.С. Кодзоков начал вынашивать планы организации образцово-показательных хозяйств, где горцы смогут воочию увидеть и перенять прогрессивные формы ведения сельского хозяйства, освоить новые ремесла, навыки европейского домостроения и бытового комфорта.

В 50–60-е гг. на Северном Кавказе проводились широкомасштабные преобразования горского быта и хозяйства. В связи с отменой крепостного права в России в 1861 г. вопрос об аграрно-крестьянской реформе встал и на Кавказе. Кавказская администрация приняла целый ряд мер по изменению социальных и экономических статусов различных классов и сословных групп, провела ряд подготовительных мероприятий к проведению земельно-переселенческой и крестьянской реформ. Для рассмотрения земельных отношений в разное время были созданы комитеты и комиссии, проводившие большую работу по изучению земельно-правовых отношений в Терской области.

В 1863 г. вместо всех ранее существовавших комитетов и комиссий, занимавшихся исследованием земельных отношений, была создана единая «Комиссия по разбору личных и поземельных прав» жителей Терской области под председательством Д.С. Кодзокова. Когда встал вопрос о подборе кандидатуры на должность председателя и членов комиссии, Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов предъявил очень строгие требования к формированию этой структуры. Он считал, что комиссия должна быть «составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных, не только в военном искусстве и в военной администрации, но, если не более, по крайней мере, столько же, сведущих в правоведении, истории, географии и статистике..., в политической экономии и в деле сельского хозяйства» (14, л. 1). Понятно, что этим требованиям в полной мере должен был соответствовать, прежде всего, председатель комиссии. М.Т. Лорис-Меликов остановил свой выбор на Д.С. Кодзокове, поскольку с юности хорошо знал его по учебе в Московском университете, где они одновременно обучались и дружили. Лорис-Меликов учился на нравственно-политическом факультете, а Кодзоков — на философском факультете словесного отделения. Кроме того, Начальник Терской области был весьма высокого мнения об интеллектуальных и деловых качествах своего бывшего сокурсника.

Известный советский ученый-кавказовед Г.А. Кокиев так оценивал выдвижение Кодзокова на эту должность: «Назначение Кодзокова председателем сословной комиссии не являлось случайным шагом..., он как горец мог легче ориентироваться в сложной горской

обстановке и легче, чем царский чиновник, расположить к учреждению, которое он возглавлял, доверие горских масс. Справедливость требует сказать, что царское правительство в выборе на должность председателя сословной комиссии кандидатуры Кодзокова не ошиблось. Из целого ряда документов — докладов, отчетов и докладных записок, одновременно представленных Кодзоковым в различные административные инстанции, видно, что Кодзоков был широко образованным для своего времени человеком, а самое главное — он был глубоким знатоком быта горских народов Северного Кавказа. Его докладные записки по тем или иным вопросам горского быта и в наше время не лишены большого интереса» (8, с. 8–9).

Ещё в период пребывания в Пятигорске в конце 30-х — начале 40-х гг. Д.С. Кодзоков изучает историю и этнографию Кавказа, обычаи и обряды горских народов, кавказские языки, общественный и хозяйственный быт местного населения. Собранные материалы он намеревался в будущем обобщить и написать ряд работ. Однако напряженная административная деятельность не всегда оставляла время для научных изысканий. С 1845-го по 1862 г. Кодзоков служил в Закавказье на разных должностях: столоначальник таможни, секретарь шестого округа, чиновник особых поручений Кутаисской губернии и наместника Кавказского (16, с. 45). Был даже одно время приставом «Калаусо-Саблинского и Бештовокумского народа» (11, с. 175).

Комиссия по разбору личных и поземельных правителей Терской области под председательством Д.С. Кодзокова приступила к сбору материалов по ис-

тории хозяйственно-экономического и социально-политического строя народов Северного Кавказа. Документы, подготовленные комиссией, послужили основанием для реализации тех глубоких социально-экономических преобразований, которые кавказская администрация провела в жизнь.

Проводя социально-экономические реформы на Северном Кавказе, кавказская администрация стремилась преобразовать общественный и хозяйственный быт горских народов, добиться эффективного развития, поднять социально-хозяйственную и культурную жизнь горцев до общероссийского уровня. При этом в ходе реформ администрация намерена была считаться с особенностями горских этнических культур и менталитета, северокавказских традиций и норм.

В отчете деятельности комиссии за несколько лет (1863–1869 гг.) Д.С. Кодзоков характеризовал большую работу по сбору сведений о традиционном хозяйствовании горских народов, которая велась в Кабарде, Балкарии, Ингушетии, Осетии, Чечне, Кумыкии. «В составленный по сему предмету сборник сведений, между прочим, вошла «народная перепись» Малой Кабарды, — писал он, — а также числовые данные о величине крепостного сословия, численность скотоводства, о количестве плугов и степени развития пчеловодства. (Подобные занятия повторялись во всех округах Терской области, в которых производились работы комиссии. Занятия эти тем особенно были полезны, что через их посредство ближайшие народные правители, как-то: окружные и участковые начальники — имели случай обстоятельно ознакомиться с внутренней жизнью подчи-

ненных им племен, т.е. с теми, по-видимому, мелочными условиями их жизни, вследствие которых известным образом слагается народный характер. И, действительно, без этого знания местные власти не могли бы способствовать нравственному совершенствованию туземцев» (8, с. 176).

При проведении реформ Д.С. Кодзоков настаивал на необходимости считаться с социальными и культурными традициями горских народов, с их ценностями и нормами. Так, при проведении земельной реформы он настаивал на общинной форме землепользования как основывающейся на народных традициях и отказывал в земельной собственности горским феодальным верхам. Основывающаяся на этнической социально-экономической культуре реформа могла психологически подготовить горское население к отмене крепостного права, вызвать у населения доверие к правительственной аграрной политике на Кавказе.

В «Отчете о деятельности комиссии...» Кодзоков писал: «По земельное устройство, дарованное Кабардинскому округу как вполне соответственное народному характеру и обычаю, без малейшего сомнения и к общему удовольствию всего населения или, по крайней мере, значительного большинства его, могло бы просуществовать несколько десятилетий, в продолжение которых с введением известного рода правил или постановлений, без всякой натяжки, так сказать, само собою, могли выработаться начала частной поземельной собственности» (8, с. 181). Предложив как основу для решения земельного вопроса общинную форму землепользования, он полагал, что эта форма станет переходной формой к частной

земельной собственности, когда население будет к ней готово. Однако кавказская администрация встала на путь наделения горской феодальной элиты крупными земельными участками на правах частной собственности, а проект Д.С. Кодзокова был отвергнут.

О том, что в ходе проведения реформ кавказская администрация должна учитывать господствующие в горских обществах культурные нормы и традиции, Д.С. Кодзоков пишет в «Записке о зависимых и холопских сословиях в Кабардинском округе», представленной начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову (17, л. 33–34). В «Записке...» исследуется правовое и экономическое положение различных категорий кабардинского и балкарского крестьянства. Текст её воспроизведен в докладной записке о зависимых сословиях в Кабардинском округе, приложенной к рапорту Начальника Терской области на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией (12, с. 83–107).

В этом документе просветитель предупреждает против неоправданной торопливости в проведении реформ, конфликтной «атаки» на сложившиеся традиции. «Быстрота, с которою следуют перемены в жизни туземцев одна за другою, без окончательной выработки каждой из них, ставят людей в полное недоумение и совершенную неуверенность в будущую свою судьбу, доводят их до такой раздражительности и такого ослепления, что они подозревают каждое слово и каждый поступок тех из среды себя, которые благоразумно смотрят на предстоящие необходимости» (12, с. 101).

Смысл и сущность реформ оставались непонятными для большей части

горского населения, культурно-просветительские акции не подкрепляли и не объясняли социально-экономических новаций. «Невозможно без крайнего вмешательства приказать изменить жизнь, выработанную веками, не приготовив людей к восприятию желаемых изменений» (12, с. 100).

Нежелание считаться с социально-культурными традициями, по мнению просветителя, может повести к социальным конфликтам и потрясениям. В ходе освобождения зависимых сословий северокавказских обществ Д.С.Кодзоков предлагал как меру, соответствующую нормам обычного права, традиционного правосознания, — выплату выкупа. Безусловно, такая форма «освобождения» крепостного крестьянства была разорительной, но давала, по его мнению, шанс избежать социальной стихии и конфликтов. «Требую освобождения, нечего смотреть на то, что несколько семейств по лености и неспособности к труду обнищает, ибо место их займут другие, более трудолюбивые, но порождение внутренней вражды в обществе так важно и трудноискоренимо, что для устранения его нельзя не согласиться на большие уступки, нежели какие требуются предлагаемым способом освобождения» (12, с.106).

Преобразовать экономику Северного Кавказа, интегрировать его хозяйство в общероссийский хозяйственный организм смогут, по мнению просветителя, только те социальные слои горских обществ, для которых труд и хозяйственное созидание являются нормой повседневного существования. Именно в пореформенной деятельности и творчестве Д.С.Кодзокова ярко проявились его общественные взгляды на значе-

ние труда как самого важного фактора экономического развития общества. Это особенно ярко проявилось в той позиции, которую занял Кодзоков как председатель сословно-поземельной комиссии в вопросе о наделении в ходе реформ 60-х гг. земельными участками высшего сословия горских обществ.

При проведении аграрной и крестьянской реформ кавказская администрация придерживалась своей традиционной политики, делая ставку на социальную элиту общества. Ставилась задача сделать горских феодалов помещиками, наделив высшие сословия земельными участками на «полном помещичьем праве». По мнению администрации, наделение земель сделает горских феодалов лояльными к российской власти, верной опорой в проведении правительственной политики в регионе. Предполагалось сочетать народное общинное пользование землей с частным помещичьим, а получение земли должно было возместить горской аристократии потерю крестьян, освобождаемых от крепостной зависимости (9, с. 118).

Однако такая позиция администрации встретила решительные возражения Терской сословно-поземельной комиссии и её председателя Д.С.Кодзокова. Выступая против союза российской администрации с северокавказской феодальной верхушкой, комиссия заявляла: «Следует ли интересами масс жертвовать в пользу отдельных личностей и выгодно ли правительству ради благосостояния этих последних восстанавливать против себя целые народные общества, и какая польза обделять их землёю и ленивому, малоспособному высшему сословию давать возможность эксплуатировать

трудящийся класс народа» (10, с. 21).

По мнению комиссии, реформы могли повести к экономическому благосостоянию северокавказских народов лишь при наличии у них реальной социальной базы. Такой демократической массовой социальной базой преобразований могло быть горское крестьянство. Свою позицию председатель комиссии обосновал в записке «Мнение председателя комиссии по личным и поземельным правам туземного населения Терской области о частной собственности в Кабарде», приложенной к выводам комиссии по вопросу о наделении высшего сословия земельными участками (14, л. 1–18). Этот документ дает яркое представление о хозяйственно-экономических концепциях Д.С. Кодзокова, его воззрениях на главные проблемы развития народов Северного Кавказа. В записке изложена аргументированная критика позиции администрации, опирающаяся на великолепное знание социально-культурных основ хозяйства адыгских народов, основных принципов горской хозяйственной культуры.

Председатель комиссии исходил из характерных для традиционного северокавказского (в частности, кабардинского) общества представлений о собственности, влияющих на хозяйственное развитие. «Частной собственности в Кабарде никогда не было...», — писал председатель комиссии, — ... между кабардинцами ни родоприсхождение, ни обычай не допускали владения поземельно частною собственностью, а выработалось временем и народными нуждами одно пользование землею, составлявшее неделимое общее достояние целого общества» (14, л. 1–2). В кабардинском обществе, по мнению Кодзокова, не сформировалась ценность

частной собственности, а господствовала общинная собственность. Поэтому проект администрации — это создание «такого порядка владения землею, который обиден для большинства и чужд для народного сознания» (14, л. 7). Кроме того, как полагал Кодзоков, господствующие в Кабарде скотоводческое («пастушеское») хозяйство «необходимо требует... общественного порядка пользования землей» (14, л. 10).

В обществе, еще недавно культивировавшем социально-духовные основы «набеговой экономики», институт частной собственности привьется лишь при восприятии населением его культурно-психологических и правовых оснований. «Чтобы владеть с пользой собственностью как для себя, так и для общества, необходимо, чтобы владеющий понимал свои права и ответственность и чтобы общество, в свою очередь, понимало неприкосновенность чужой собственности; без подобного понимания собственности быть не может и все законы для сохранения собственности будут недостаточны; понимание этого требует некоторой степени развития общественного благоустройства» (14, л. 9). Лишь определенный уровень развития общества, государства и личности делает возможным функционирование института частной собственности. «Как же ожидать и рассчитывать на подобно развитие, если народ пребывает в первобытной дикости? Когда встречаем на каждом шагу все противное тому, что составляет начальные условия общественной жизни, когда люди остаются пока при одном сознании своих семейственных обязанностей, когда воровство не составляет еще преступления и терпимо нравами?» (14, л. 9).

Болеетого, преждевременное введение частной земельной собственности, по мнению Кодзокова, могло разрушить традиционное скотоводческое хозяйство Кабарды, вызвать его кризис.

Для Д.С. Кодзокова в основе российской политики на Северном Кавказе лежала идея гражданского приобщения северокавказских народов к России, воспитания у горцев нового общероссийского сознания. А это требовало воспитания у северокавказских народов положительного отношения к хозяйственному труду, формирования высокого статуса труда на шкале ценностей горцев как главного условия успехов социально-экономического развития и включения Северного Кавказа в общероссийский хозяйственный организм. Проект кавказской администрации вступал в противоречие с мнением комиссии и ее председателя, ибо передавал большую часть земельного фонда северокавказских народов в руки феодальной верхушки, неприемлющей любые формы труда и хозяйственной деятельности.

Историческая неподготовленность горских феодалов к обладанию частной земельной собственностью определила столь жесткую позицию комиссии. «Ленность, невежество, расточительность, легкомыслие, неспособность к труду высшего кабардинского сословия давно всем известны», — писал Д.С. Кодзоков (14, л. 3). Северокавказские феодалы-наездники, с их культом добычи, воспитанные «набеговой экономикой», «могли быть народными представителями только в первобытной организации общества» и совершенно не подходят для этого в новых исторических условиях. Поэтому «большая часть частной собственности достанется на

долю зачинщиков и всегдашних покровителей воровства и грабежей, которыми так изобильны прежде и настоящее время кабардинского быта...» (14, л. 2). Кавказская администрация, на которой, по мнению Кодзокова, лежит задача экономического воспитания горцев, привития им новых хозяйственных принципов, своим решением вырастить новоявленных кабардинских «помещиков», окажет крайне негативное влияние на народную нравственность. «Поучительный будет для народа пример, что вор-князь или тлокотледж правительственным распоряжением получают участок земли как отличие или милость или по праву крови, тогда как другого происхождения человек, всю жизнь свою будучи рачительным хозяином и честным членом своего общества, останется обделенным в общей земле — той частью, которая будет выделена на долю проворовавшего князя или родовитого орка» (14, л. 3).

Примерными хозяйственниками, считал Д.С. Кодзоков, новые собственники не станут, поскольку «ни они сами, ни их семейства работать не захотят». В качестве примера он указывал на осетинских алдар и баделят, «которые по стечению обстоятельств давно уже пользуются частной собственностью — что же из этого вышло?» — «Хозяйства у бадилат нет никакого; дети их не лучше простых дигорцев, ибо отцы их не понимают даже необходимости учить их чему-нибудь; ... бадилаты отличаются замечательным упрямством во всех случающихся реформах и составляют одну из самых малосимпатичных корпораций» (14, л. 4).

Кодзоков высказывал свои опасения, что вся земля, переданная новым кабардинским собственникам, будет вскоре

продана и перейдет в руки уже представителей других этносов. «Сколько бы мы ни дали земли людям из высшего сословия, — писал он, — она им, при настоящем уровне их нравственности, общежития и воспитания, никакой пользы не принесет за весьма малым исключением; из 20 частных собственников едва ли не 15 продадут за ничто доставшуюся им даром землю, которою они пользоваться не сумеют» (16, л. 3).

Опасения Д.С. Кодзокова оправдались. В пореформенный период большая часть закрепленной за кабардинскими князьями и дворянами земли (около 56 тыс. десятин) была продана. Из 56 тысяч десятин проданной земли более 38 тыс. было куплено пришлым населением, главным образом тавричанами. Кроме того, частные собственники закладывали земли в поземельные банки (9, с. 122). В своей записке Кодзоков обосновал буржуазно-демократическую ориентацию для кавказской администрации, которая обеспечила бы правительству широкую народную поддержку самого экономически активного класса — горского крестьянства, создала бы условия для хозяйственного подъема северокавказских народов. «Представителей народных следует принимать и поддерживать существенными поддержками, без различия их родопроисхождения, только таких, которые споспешествуют по мере своих возможностей и понимания полезным начинаниям и готовы стремиться к хозяйственно-экономическим успехам» (14, д. 41, л. 17).

Введение общинного землепользования было для Кодзокова средством сохранения за кабардинским этносом его национальных земель. Однако общинное землевладение и общину он не аб-

солютизировал, полагая, что в будущем, когда условия изменятся, в Кабарде привьется и институт частной земельной собственности. «Из всего приводимого мною против образования частной в Кабарде собственности, нетеще причин заключить, чтобы я находил навсегда и безусловно полезным лишь общественное пользование землей и ненужным приискание возможности и способов к изменению хозяйственно-экономических условий жизни, а потому и обрекал бы на неподвижность богатый край и щедро одаренную расу людей, какими следует называть жителей Северного Кавказа вообще и жителей Кабарды в частности. Я стараюсь только убедить, что собственники еще рановременны в этом крае по низкому уровню образования и господствующего хозяйства, которое, несомненно, более всего влияет на возможность развития всякого общества» (14, л. 16).

Для просветителя несомненно, что экономическое процветание предполагает определенный уровень образованности и нравственности общества, высокую этику труда. Земля и капитал, эти основные ресурсы экономического развития, не «работают», если в обществе низкая культура и этика хозяйствования. «Чтобы развить всякий вид хозяйства, где бы то ни было, — пишет Д.С. Кодзоков, — необходима, во-первых, земля; во-вторых, нужно желание трудиться; в третьих, умение хозяйничать и вести избранное дело, наконец, в-четвертых, нужны средства или деньги, но когда ни второго, ни третьего, ни четвертого условия ни у кого из кабардинцев пока не оказывается, то какого же можно ожидать экономического развития» (14, л. 14–15).

И главным условием формирования современной хозяйственной культуры у народов Северного Кавказа является просвещение. Д.С. Кодзоков писал, что «горцы нуждаются в образовании, в приобретении основательного знакомства с русским языком и сведений в... полезных науках» (14, л. 17). Российское правительство и общество должны воспитать в горской среде высокую хозяйственную и трудовую культуру. Тогда и станет возможным функционирование здесь частной собственности (как других институтов гражданского общества). «Дождитесь или образуйте полезных для этого предмета деятелей и таким деятелям, которые не будут гнушаться трудом своих рук, дайте в собственность участки земли; дар ваш не будет пропавшим, он будет производителен и принесет всем пользу; он не уподобится таланту, зарытому в землю «рабом ленивым и лукавым» (14, л. 17).

Д.С. Кодзоков сам был весьма успешным предпринимателем и хозяйственником. Для демонстрации экономической эффективности он устраивает несколько опытно-показательных хозяйств по основным отраслям сельского хозяйства (9, с. 88, 89). Навыкам активной предпринимательской деятельности и хозяйственной активности он учился у славянофилов, среди которых вращался в молодости. Реформа 1861 г. создала благоприятные условия для предпринимательства просвещенных помещиков-славянофилов, «помогла им укрепить свое хозяйство, прирастить земельные владения, применить вольнонаемный труд, ввести прогрессивные способы обработки земли, модернизировать промышленные предприятия на основе новейшей техноло-

гии, расширить товарно-денежные связи» (2, с. 119).

Интересны публицистические заметки Кодзокова, где он ратует за подъем производительных сил на Северном Кавказе, распространение здесь новых отраслей хозяйства и высокоурожайных сельскохозяйственных культур (3, 4, 5, 6). Анализируя причины отсталости горского земледелия и скотоводства, он указывает на отсутствие многих хозяйственных качеств, необходимых для развития. «Хлебопашество и скотоводство требуют труда постоянного, упорного, капитала и бережливости, умения и старания, чего именно и не достает у большей части из нас» (5). Вместе с тем он ратовал за использование наемной силы в сельском хозяйстве. Кодзоков пропагандировал в своих статьях новые прогрессивные методы ведения скотоводческого хозяйства, давал рекомендации по обработке земли, выступал за строительство ирригационных сооружений — т.е. ратовал за развитие хозяйства горцев на новых, капиталистических началах.

Характеризуя экономическую ситуацию на дореформенном Северном Кавказе, просветитель писал: «Только война и разбой считались приличными средствами к жизни, а поэтому, естественно, в царстве захвата, грабежа и насилия земледелию не было места» (8, с. 171).

Буржуазные реформы 60–70-х гг. обеспечили горское население твердо очерченным порядком землепользования, заложили начала новой гражданской жизни, где главенствующее место должен был занять преобразованный хозяйственный уклад, с развивающимися земледелием, торговлей, промышленностью.

В своих заметках Д.С. Кодзоков дает характеристики состоянию земледелия у народов Северного Кавказа. По его мнению, наиболее хорошо было поставлено хлебопашество в горных районах Осетии и Кумыкии. Хлебной житницей Терской области был Кумыкский округ, «где вследствие климатических условий, системы орошения полей и склонности населения к хлебному хозяйству произрастает много видов зерновых продуктов» (5). Он отмечал те невероятные трудовые усилия, которые вкладывали жители горных районов в свои небольшие пашни, хотя и полагал, что причиной лучшей обработки земли является «не большее трудолюбие горного населения, а дороговизна пахотных земель и неблагоприятная почва, которая тогда только дает хлеб, когда тщательно обработана и даже унавожена, чего не встречается нигде в плоскостных местах Северного Кавказа» (5). В низовьях Терека, в районе Кизляра, население в основном занималось виноделием, которое давало «порядочные выгоды».

Просветитель полагал, что в Терской области земли было достаточно (15 десятин на душу), но крайне неравномерное ее распределение было причиной нерационального ее использования. Плодородные земли «оскудевали от постоянных посевов» из-за отсутствия севооборота, а менее плодородные земли приходили «в запустение от отсутствия приложения к ним труда» (5).

Заметки полны критических замечаний о том, что горское население не уделяет должного внимания правильной организации сельскохозяйственного производства. «Частые засухи, происходящие от оскудения вод и бесполовой рубки лесов», приводили к неурожаю и голоду. Неумелое исполь-

зование земли оборачивалось тем, что «в 10 лет один раз население убирало хороший урожай, а остальные годы оно испытывало недостаток или собирало посредственный урожай» (5).

С Кавказской войной, военными действиями российских и шамилевских войск он связывал в целом «упадок общего благосостояния горского населения». Необходимы были немалые усилия, чтобы поднять подорванную войной хозяйственную систему.

Крепкое, обширное хозяйство было организовано им на арендованном у казны в 1868 году участке земли Скут-Кох на правом берегу Терека. Когда-то эта земля составляла часть участка генерала Кундухова. С его уходом в Турцию две трети участка отошли в надел соседним жителям. Остальная часть в 1100 десятин, с выстроенным на ней каменным домом, поступила в казну. Эту землю арендовал Кодзоков по 300 рублей в год сроком на 5 лет.

Хорошо знакомый с состоянием сельского хозяйства в Терской области, Кодзоков писал, что «садоводство и огородничество в области почти не существуют; есть недурные сады в одном только Алагире, и то заведенные вследствие случайных обстоятельств и впоследствии не поддержанные. Жаль, что пример Алагиря не развилуна этой отрасли, хотя предгорье представляет сплошную массу фруктовых порослей. Масляничные зерна — лен, конопля, подсолнечник — у нас мало распространены; из этих продуктов засевают кое-что по огородам для домашнего обихода и выбивают несколько масла ручными маслобойками. Табак распространен мало; бахчи арбузов и дынь по Тереку обильны и дают хорошие выгоды, как продают в натуральном виде,

так и в семечках, составляющих особый предмет торговли и лакомства нашего простонародья» (5).

Ратузаподъемполеводства,огородничестваисадоводства,Кодзоковвсвоемхозяйстве,впервые применив наемный труд, засеял 111 десятин злаками, огородными и техническими культурами.Целесообразностьиэффективность применения новой для Северного Кавказа формы труда, а также результаты годичной хозяйственной деятельности Д.С. Кодзоков обобщил в статье «Опыт наемной запашки в Терской области».

Высоко оценив итоги работы в опытном хозяйстве, он высказал соображения о необходимости создания предприятия по обработке получаемых с участкасельскохозяйственныхпродуктов. «Выгоды от подобного хозяйства, — писал он, — могут быть еще больше, если при нем завести маслобойню и витье веревки — предметов первой необходимости, привозимых в наш край из дальних мест» (5). Подводя итоги своему годичному опыту по выращиванию технических культур, Кодзоков писал: «Из сделанного мною я заключаю, что разведение масляничных зерен, как-то: подсолнечника, конопли, горчицы, даже кунжута, который не премину испытать на будущий год, составляет в нашем крае одно из наиболее благодатных земледельческих занятий. Кроме масла и пеньки, обрабатываемой в бечеву, они дают хороший корм скоту из остающихся после давки жмыхов, стебель подсолнечника может быть обращен в поташ, а в безлесных местах — в превосходное топливо... В продаже масличные растения, даже в семени, выше, чем все исчисленные хлеба» (кукуруза, пшеница, просо, ячмень — С.А.) (5).

В статье также много других хозяйственных рекомендаций, вполне соответствующих опыту науки того времени.

Необходимо отметить, что организация опытного хозяйства с наемным трудом сопряжена была на Северном Кавказе с определенными трудностями. Горцы мало были знакомы с подобной деятельностью. После освобождения крепостных и зависимых сословий в 1867 г. создались определенные условия для развития этой формы труда. Кодзоков практически доказал целесообразность применения наемной силы в сельском хозяйстве и его эффективность. Опираясь на опыт русских помещичьих хозяйств, он разработал систему оплаты труда. За пахоту, посев и боронование одной десятины работники получали плату в размере 6 рублей. Горцы не сразу решались наниматься на работу, но впоследствии, приглядевшись к рациональной организации труда и заработку русских работников, стали группами наниматься на работу. В уборочную кампанию в хозяйстве работало по 70 человек в день, с дневным заработком 30 копеек. При этом во время работы было организовано платное недорогое питание. Представители горских народов, работавших в Скуткохском опытном хозяйстве, приобретали новый трудовой навык и передавали его своим соседям (5). Так, постепенно, элементы передовых форм труда и предпринимательства внедрялись в хозяйство северокавказских народов.

Д.С. Кодзоков стремился также улучшить методы ведения и организации коневодства. Считая эту отрасль сельского хозяйства весьма перспективной, он организовал опытную коневодческую ферму с наемной рабочей силой.

Интерес к коневодству у него пробудился с первого его приезда на Кавказ. В 1840 г. в письме к Хомяковым он писал: «Из подаренных мне от кунаков лошадей, рогатого скота, овец я намерен положить основание примерному для жителей хозяйства» (1, л. 87 об.). В 60-е годы он уже считался одним из крупных кабардинских коннозаводчиков. Свои практические предложения по улучшению пород скота, организации его содержания и ухода за ним, по улучшению кормовой базы он изложил в своих статьях. Считая, что корм и уход — это важнейшие условия улучшения кавказского коневодства, он писал, что «несмотря на множество испытанных в этом деле потерь и разочарований, я твердо продолжаю нести расходы и добиваться хороших лошадей посредством обильного корма, улучшения содержания и чрез примесь к нашим местным породам других, более благородных и, по-моему, в этом случае чистокровная лошадь уподобляется золоту, примешиваемому к другим, менее благородным металлам для придания им желаемых достоинств, и чем выше золото, тем верней успех смешения» (7).

О необходимости организации на научных основах табунного коневодства в крае у калмыков, ногойцев, черкесов и русского населения Д.С. Кодзоков говорил в своем докладе на первом съезде коннозаводчиков Ставропольской губернии, состоявшемся в августе 1869 г. в г. Пятигорске (13). Он настаивал на необходимости улучшения местных кавказских пород путем скрещивания с производителями высших пород: донских, орловских и др. Там же он предлагал «для поощрения коннозаводчиков увеличить в Ставрополе число испытаний лошадей скачками и беговой ездой,

а также выставками лошадей с раздачей в виде премий годовалых лошадей государственного конезавода» (13).

Д.С. Кодзоков делал попытки создания опытного завода по выращиванию породистых лошадей. С этой целью он обращался к администрации с просьбой о наделении его землей. В декабре 1869 г. решением Правительствующего сената ему был выделен участок земли на правом берегу р. Подкумок в количестве 2356 десятин (8, л. 16–19). Весной 1870 г. были начаты хлопоты по созданию конского рассадника, разработаны правила пользования им (19, л. 10–14). Сам М.Г. Лорис-Меликов своей резолюцией обязал начальника Кабардинского округа выдать «господину Кодзокову из общественной суммы денег, назначенных на устройство рассадника в Кабарде» (20, л. 18). Заведующим конским рассадником стал близкий Д.С. Кодзокову человек — сын Ш.Б. Ногмова Ерустан.

В работе конезавода было много трудностей; не всегда своевременно поступали деньги, что делало проблематичной выплату зарплаты вольнонаемным людям, заготовку корма, постройку хозяйственных помещений и т.д. Мешало и нежелание местных заводчиков что-либо менять в веками налаженном хозяйстве — на пути развития коннозаводческого дела лежали «консерватизм кабардинских коневодов, их самоуверенность в сознании того, что их коневодство не нуждается в улучшении» (20, л. 18).

Однако, несмотря на множество препонов и трудностей, дело развивалось. Администрация была заинтересована в развитии коневодства для пополнения кавалерийских частей и поддерживала инициативы частных лиц, стремив-

шихся к улучшению коннозаводства на Кавказе.

Кроме того, Д.С. Кодзоков помогал делу подготовки на Северном Кавказе специалистов сельского хозяйства и ремесленного производства. Будучи членом-благодетелем Владикавказского ремесленного училища, он передал в 1887 г. в вечное владение училища свое имение недалеко от г. Владикавказ в 8 десятин 709 кв. сажень с домом, фруктовым садом и сельскохозяйственными постройками (9, с. 151). Помогал он также и единственной на Северном Кавказе ветеринарной коновальной школе г. Владикавказ. Ратуя за более прогрессивно-рациональное ведение скотоводческого хозяйства, Д.С. Кодзоков считал, что «для экономического благосостояния нашего населения распространение рациональных сведений к лечению животных должно принести огромную пользу» (6).

В статье «Несколько слов о коновальной школе во Владикавказе» он анализирует деятельность школы за последнюю треть 1868 года и признается, что следит за ее работой «с постоянным вниманием». О деятельности школы его постоянно информировал ее заведующий К.А. Максимович. Д.С. Кодзоков понимал, что домашние животные горцев «составляют существеннейшее наше богатство и с тем вместе единственную рабочую силу, следовательно, всякое средство к сохранению животных и их улучшению должно обращать на себя особенное внимание» (6). Поэтому наличие коновальной школы во Владикавказе «не только особенно полезно, но даже необходимо». Просветитель был убежден, что «было бы еще полезнее учреждение такой коновальной школы, которая бы деятель-

ностью своею обнимала не только Терскую область, но весь Северный Кавказ, Дагестан, Закавказье, ибо во всех частях Кавказского края животные составляют важнейший и наиболее ценный предмет хозяйства и одинаково везде оставлены на произвол случая и варварского обращения». Д.С. Кодзоков считал, что чем больше специалистов-ветеринаров будет обучено в таких школах и чем больше гуманных идей они оттуда вынесут, тем меньше жестокости и раздражения выпадет на долю животных из-за «невежественного понимания прав собственности» на скотину.

Как важное событие в жизни горцев он рассматривал и открытие Владикавказского ремесленного училища, где шла подготовка специалистов для сельского хозяйства; здесь имелись слесарно-кузнечная и столярно-токаря мастерские (9, с. 150). Просветитель высоко оценивал значение этого учебного заведения для северокавказского региона, поддерживал тесную связь с его руководством и воспитанниками. Он был членом-благодетелем этого училища со времени его открытия в 1868 году, в 1880 году даже ставился вопрос о назначении Д.С. Кодзокова директором училища, однако он отказался, так как был в конфликте с администрацией (14, л. 20, 21). После передачи Кодзоковым «в вечное владение» училища большого участка земли стоимостью 4 тыс. рублей, попечитель Кавказского учебного округа выразил Д.С. Кодзокову глубокую благодарность «за столь ценное пожертвование».

Реформаторская, хозяйственная и научно-просветительская деятельность Д.С. Кодзокова имела большое значение для становления капиталистичес-

кой экономики на Северном Кавказе. В противовес уходящей в прошлое «набеговой экономике» его опытные хозяйства, курируемые им школы и училища наглядно демонстрировали преиму-

щества продуктивного, динамичного, основанного на современных технологиях, производства, строили новую экономическую реальность.

1. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33.
2. Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.
3. Кодзоков Д. Заметка о скотоводственном хозяйстве Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1869. №31.
4. Кодзоков Д. К вопросу о коннозаводстве на Кавказе // Кавказ, 1869. №50.
5. Кодзоков Д. Опыт наемной запашки в Терской области // Терские ведомости, 1869. №9.
6. Кодзоков Д. Несколько слов о коновальной школе во Владикавказе // Терские ведомости, 1869. № 3.
7. Кодзоков Д. Заметка о кавказском коневодстве // Терские ведомости, 1869. № 10.
8. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
9. Кумыков Т.Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.
10. Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Кодзокова. Нальчик, 1962.
11. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX вв. Нальчик, 2002.
12. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году / Составитель Г.А. Кониев. Нальчик, 1947.
13. О съезде в Пятигорске коннозаводчиков Ставропольской губернии // Кавказ, 1869. №19.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 866. Оп. 1. Д. 21, 41.
15. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998.
16. Хакушев А.Х. Истоки становления. Нальчик, 1984.
17. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1051.
18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 255.
19. Там же. Д. 9.
20. Там же. Д. 108.